

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ И ЭПОСЕ

Ключевые слова: средневерхненемецкий, образное сравнение, темпоральные существительные, «Песнь о нибелунгах», «Парцифаль».

В статье на примере средневерхненемецких «Парцифалья» и «Песни о нибелунгах» рассматривается употребление образных сравнений, содержащих в качестве образа сравнения темпоральные существительные. Сравнения анализируются с точки зрения их признака, образа и предмета, а также их структуры, функции в предложении и сочетаемости. Чаще всего при наличии темпорального существительного сравнение осуществляется по признаку «наличие/отсутствие света или сияния», а самым частотным образом сравнения является существительное *tac* «день». Употребление признака «сияния» было характерно не только для немецкой куртуазной литературы, но и для литературы других индоевропейских народов, например, древнегреческой и древнеиндийской. Использование темпоральных существительных позволяло задействовать яркий и не стертый в средневерхненемецкий период образ.

E. S. TIKHONOVA
 Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

SIMILES INCLUDING TEMPORAL NOUNS IN THE MIDDLE HIGH GERMAN COURTLY EPIC

Keywords: Middle High German, simile, temporal nouns, "Parzival", "The Lay of the Nibelungs".

The paper deals with similes including temporal nouns in Middle High German courtly epics "Parzival" and "The Lay of the Nibelungs". The ground, topic and vehicle of such similes, as well as their structure and syntactical role are considered. The most popular ground of similes with temporal nouns is the 'presence/absence of light or shining', while the most popular vehicle is the noun *tac* "day". The 'shining' as a simile ground is typical not only for MHG courtly literature, but is also common for other Indo-European literatures, e. g. Ancient Greek or Indian. The usage of temporal nouns in similes allows to enable a vivid and not trite in the MHG period vehicle.

Сравнения — одно из важных изобразительных художественных средств рыцарского романа и эпоса. Они имеют устное происхождение и являются одной из характерных черт уже героического эпоса.

В настоящей статье на материале «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха и «Песни о нибелунгах» рассматриваются средневерхне-немецкие (далее — свн.) образные сравнения, включающие темпоральные лексемы со значением естественных временных отрезков. Целесообразно анализировать сравнения с точки зрения их структуры, т. е. признака, образа и предмета, а также функции в предложении и места, занимаемого в них темпоральными существительными.

Сравнения состоят из предмета, признака и образа сравнения. Под предметом понимается то, что сравнивается, под образом — то, с чем сравнивается, а под признаком — то, на основании чего производится сравнение [10, с. 209]. В немецкой лингвистической литературе употребительны термины *Vergleichsobjekt/comparandum*, *Vergleichsmaß/comparatum* и *tertium comparationis* [13, с. 426]. Ниже рассмотрены такие сравнения, образом которых являются темпоральные существительные. Предмет сравнения может быть выражен существительным, прилагательным или глаголом.

Четвертым членом сравнения является сравнительный союз или частица. В современном немецком языке наиболее употребителен союз *wie* «как» — по данным Ч. Фёльдеса (Földes Cs.), он употребляется в 92 % случаев [13, с. 429]. В языке средневерхнемецкого периода вариативность сравнительного союза значительно выше: кроме союза (*s*)*wie* «как», сравнение осуществляется посредством союзов *als*, *alsô*, *alsam*, *sam* «как», *als ob* «как будто», наречий *sô* «как» и *reht* «чисто», а также союзов *dan*, *denne* «чем» для передачи отношений неэквивалентности. В исследованном средневерхнемецком материале примеры с союзом (*s*)*wie* не представлены вообще.

Сравнения могут реализовать следующие функции: 1) экспрессивное усиление предмета сравнения; 2) семантическая дифференциация и 3) косвенное отрицание [12, с. 110 и след.].

Сравнение, содержащее все указанные элементы и входящее как устойчивое словосочетание в лексикон языка, причисляется к фразеологическим единицам, а именно к пословицам (*Sprichwörter*). Отмечается формульный характер устойчивых сравнений [15, с. 41]. Формульное происхождение сравнений также отмечает С. М. Боура [2, с. 360], а П. Гринцер выделяет сравнения в отдельный тип формул — формулы-сравнения [4, с. 40].

Как правило, общее значение сравнения сводится к образной, риторической формуле с интенсифицирующим значением ‘крайне, очень, невероятно» + признак сравнения’ [15, с. 41]. Особенно заметно это становится в тех случаях, когда в сравнении признак не выражен имплицитно. Подобные сравнения представлены в языке средневенгерского периода наиболее широко [14, с. 1099] (ср. ниже примеры (6) и (15)).

Самым частотным признаком сравнения в исследованном материале является «свет/сияние», поскольку свет — одно из центральных понятий средневекового менталитета и символики. Как пишет Ж. Ле Гофф, «всё “светлое” — ключевое слово средневековой литературы и эстетики — было прекрасным и добрым: солнце, сверкающее на латах и мечах воинов, голубые глаза и белокурые волосы молодых рыцарей» [5, с. 168].

Однако «популярность» «света» и «сияния» не является исключительной особенностью средневековой европейской куртуазной культуры, но, очевидно, вообще свойственна индоевропейским языкам. Это выражается в обилии примеров сравнений со светом и сияющими объектами в героическом эпосе разных народов. Так, в «Илиаде» сравнения с огнём и световыми явлениями чрезвычайно распространены (например, появление Афины, Диомеда и Ахилла сравнивается со звёздами, копье Ахилла сияет, как вечерняя звезда) [6, с. 159 и след.]. В древнеиндийском эпосе очень широко представлены сравнения с небесными светилами, а большинство сравнений, включающих образ солнца, «связано с идеей блеска, сияния»: *блеском подобные Творцу дня* (об украшениях); *[блеском] подобная солнцу* (о колеснице) [7, с. 80–81]. С. М. Боура упоминает наличие сравнений со светом в древнеанглийской (*Во тьме глаза полыхали, как факелы*, «Беовульф», 727) и сербской поэзии (воины как горящие угли) и в старофранцузской («Песни о Роланде» (*волосы белы, как цветы летом*) [2, с. 360–361]. У. Джонс пишет, что для средневековых немецких поэтов самым красивым цветом волос считался русый (свн. *val, gel, blunt, liehtgemal*) [16, с. 76].

Идея «блеска» выражается также и в частом употреблении эпитетов, обозначающих блестящий объект, а именно золото. К. Уоткинс констатирует, что в поэтической традиции индоевропейцев «от Ирландии до Индии» регулярно встречаются золото и огонь [18, с. 11]. А. Н. Веселовский отмечает пристрастие к эпитету «золотой» в эпосе разных народов, в частности, древнегреческом, гер-

манском, индийском, древнерусском и сербском. Он предполагает, что подобные цветовые предпочтения могут быть «безучастным переживанием древнейших физиологических впечатлений или этническим признаком», поскольку красный и желтый цвет раньше других распознаются ребенком, и красный, желтый и оранжевый — излюбленные цвета диких народов, «оставшихся на степени детски наивного мирозерцания» [3, с. 60–61]. При этом эпитет «золотой» обозначает не столько цвет, сколько идею ценности [Там же, с. 68].

Для средневековой культуры было актуально также и представление о свете и сиянии как о неотъемлемом свойстве Божественного: свет есть Бог, «это видимость невыразимого и, как таковой, он представляет собой эманацию Бога» [9, с. 141]. Например, в древнеанглийской поэзии отмечается формула *frætsum blican* «сиять украшениями», употребляемая Кюневульфом и его последователями только по отношению к Христу [17, с. 109].

Понимание белого цвета как «сияющего» было свойственно и древнерусской житийной литературе: *И ризы его быша бѣлы яко свѣтъ* (Остр. ев., л. 284в-г); *бѣли суще яко свѣтъ огнены заря* (Ж. Андр. Юрод., л. 50а) [1, с. 25]. Н. Б. Бахилина отмечает, что «бѣлый не столько определение и не столько цветообозначение, сколько сигнал появления на сцене лица, причастного ангельскому чину, лику блаженных, святых и т. д.», это — средство выразить причастность к святости [Там же, с. 26–27].

Как видим, указание на частотность сравнения на основании признака «света/сияния» является общим местом во многих работах. Однако, насколько нам известно, специальных исследований сравнений, содержащих темпоральные компоненты семой «сияние» в свн., не проводилось. В частности, во «Фразеологическом словаре средневерхненемецкого языка» Й. Фридриха [15] отмечается лишь сам факт наличия подобных сравнений.

Напротив, литература, посвящённая сравнениям с цветообозначениями, весьма обширна, и в ней регулярно отмечается ассоциация блестящих объектов (солнца, огня и др.) в индоевропейских языках с белым или золотым цветами (см., например, [8, с. 122 и след.; 16, р. 51]). Связь между «светом/сиянием» и темпоральными существительными при этом не проводится.

Тем не менее следует подчеркнуть, что именно в группе темпоральных существительных присутствует лексема, в которой макси-

мально ярко реализуется признак «свет/сияние» — это существительное *tac* «день» (Р: 8)*, которому было имманентно присуще представление о свете в противоположность ночной темноте [11, с. 122]. Именно *tac* является самым частотным образом сравнения в исследованном материале. Кроме того, в качестве образа сравнения используются существительные *naht* «ночь» (Р: 3), *zît* «время, час» (Р: 2), *meye* «май» (N: 1) и глагол *tagen* «светать» (Р: 2). Всего в «Парцифале» представлено 13 сравнений с темпоральными существительными и 2 — с глаголами, а в «Песни» — 2; общее число реализаций составляет 16 примеров.

В большинстве случаев предметом сравнения является внешность (*blic* «облик», *antlütze* «лицо»), которая сопоставляется с днём по признаку сияния или света (1). В качестве предмета сравнения также может выступать свет свечей (2); одежда (богато украшенное сюрко сияет, как костёр в ночи) (3); Бог (Господь светлее дня) (4):

- (1) *sin blic was tac wol bi der naht* (Р. 400.6) — Его облик был, пожалуй, днём в ночи.
- (2) *von kerzen lieht alsam der tac // was vor sîner slâfstat* (Р. 192.28–29) — Свет свечей, будто день, был перед его ложем.
- (3) *er schein als ob hie brünne // bi der naht ein queckeze fiver* (Р. 71.13–14) — Оно [сюрко] сияло, как будто здесь ночью горел живой огонь.
- (4) *«ôwê muoter, waz ist got?» // «sun, ich sage dirz âne spot. // er ist noch liehter denne der tac* (Р. 119.17–19) — «Мать, что есть Бог?» — «Сын, я скажу тебе, не шутя. Он ещё светлее, чем день».

Эксплицитно мысль о связи «сияния» и «дня» выражается в следующем развёрнутом сравнении:

- (5) *man und wip diu sint al ein; // als diu sunn diu hiute schein, // und ouch der name der heizet tac. // der enwederz sich gescheiden mac: // si blüent ûz eime kerne gar* (Р. 173.1–5) — Мужчина и женщина — одно целое, как солнце, которое светило сегодня, и тот, чьё имя день. Никто из них не может разлучиться: они растут из одного зерна.

В «Песни» представлены единичными примерами сравнения по признаку «сияния», однако в них отсутствуют темпоральные существительные:

- (6) *Do sprach aber Criemhilt: nu sihestu wi er stat, // wi rehte herliche er vor den recken gat // alsam der liehte mane vor den sternen tut* (N. 814.1–3) — Но тут сказала Кримхильда: «Ты видишь, как он стоит, как внушительно он идёт перед витязями, подобно ясной Луне перед звёздами».

Чаще в «Песни» признаком сравнения служит цвет (7), либо — имплицитно — ярость или доблесть, когда воины сравниваются с животными (8):

- (7) *dar uffe lagen steine grune sam ein gras* (N. 434.2) — Сверху лежали камни зелёные, как стекло.
- (8) *alsam di lewen wilde si liefen an den perch* (N. 95.2) — Подобно диким львам, они взбежали на гору.

Намного менее распространено в «Парцифале» и «Песни» сравнение по признаку «темнота/отсутствие света», где образами сравнения являются лексемы *naht* «ночь» и *nebeltac* «туманный день». Так, чтобы подчеркнуть красоту Оргелузы, другие девы сравниваются с «туманным днём» (9). С ночью также может сравниваться тёмный цвет кожи (10):

- (9) *dirre meide blic ein nebeltac // was bi Orgelûsen gar* (P. 591.16–17) — Вид этих дев был туманным днём рядом с [видом] Оргелузы.
- (10) *liute vinsten sô diu naht // wârn alle die von Zazamanc* (P. 17.23–24) — Люди, чёрные, как ночь, все были из Зазаманки.

В четырёх примерах (11) — (14) представлен признак, не связанный с «яркостью» или «темнотой». Так, сравнение с месяцем маем (*ein meien zît, meye*) было весьма характерно для свн. куртуазной лирики и эпоса. Весенний месяц воспринимается как месяц блаженства и наивысшей радости [BMZ], с ним сравниваются душевные качества (11), а также внешность (12). Интересно, что именно этот образ сравнения представлен в «Песни»:

- (11) *sin herce tvgende birt // also der sveze Meye daz gras mit blvmen tvt* (N. 1636.2–3) — Его сердце полно добродетелей, как сладкий май — травой с цветами.
- (12) *si was im reht ein meien zît, // vor allem blicke ein flôrî, // ougen sÛeze unt sÛr dem herzen bî* (P. 531.24–26) — Она была ему точно [как] время мая, цвела у всех на глазах, услада очей и тяжесть для сердца.

Ещё в одном случае некомфортный отдых сравнивается с жестоким сражением:

- (13) *er hete dâ vor dicke erliten // mit swerten manegen scharpfen strit // sanfter dan die ruowens zit* (P.587.28–30) — Прежде он часто испытывал много жарких боёв на мечах, более лёгких, чем это время отдыха.

В примере (14) признаком сравнения является расточительность, а темпоральное существительное *tac* «день» функционирует как обстоятельство времени, конкретнее — как показатель длительности действия:

- (14) *Vil lucel man der varnder armen da vant, // ross und chleider daz sto^ab in von der hant, // sam si celebne heten niht mer deheinen tach* (N.39.1–3) — Среди путешественников можно было найти мало бедных: кони и платье летели у них из рук, как будто им не осталось жить ни одного дня.

В случае если предмет сравнения уподобляется образу, и они эквивалентны друг другу, в исследованном материале сравнение выражается при помощи союзов *als*, *alsam*, *also* «как» (2), (5), (11), *sô* «как» (10). Если в предмете сравнения признак выражен в большей мере, чем в образе, и между ними существуют отношения неэквивалентности, в предложении используются имена прилагательные в сравнительной степени с союзами *dan* и *denne* «чем» (4), (13). Сравнение также может быть выражено с помощью реальных сравнительных придаточных предложений с подчинительным союзом *also* «как» (11) и нереальных сравнительных придаточных — с союзом *als ob* (3) и *sam* «как будто» (14) и глаголом в сослагательном наклонении.

Ещё один вариант структуры сравнения — это описательные бессоюзные обороты. В таком случае факт сравнения выражается глаголом *sîn* «быть» в сочетании с предлогом *bî* (1), (9), глаголом *wænen* «полагать» (16), местоимением *ander* «другой, второй» (15) и наречием *reht* «прямо, точно» (12). Признак «сияния/яркости» может передаваться с помощью глаголов *schînen* «сиять» (15) и *tagen* «светать, сиять» (16). Как правило, все эти средства употребляются в сочетании друг с другом. Так, в примере (16) в главном предложении также присутствует существительное *schîn* «сияние»:

- (15) *ez dorft in dunken niht ze fruô: // wan von in schein der ander tac*

(Р. 167.16–17) — Им [девам] не могло показаться, [что] слишком рано, ведь от них [будто] сиял второй день.

(16) *ir antlütze gap den schîn, // si wânden alle ez wolde tagen* (Р. 235.16–17) — Её лик давал такое сияние, [что] всем им казалось, что светает.

В составе сравнения темпоральное существительное может быть предикативом (1), (4), (5), (9), (12), подлежащим (11), (15), частью определения (2), (10), (13) или обстоятельства времени (1), (3), (14).

Несмотря на то, что в примерах (1) и (3) темпоральное существительное *naht* «ночь» входит в состав одного и того же обстоятельства — *bî der naht* «в ночи» — фактически эти примеры неоднородны. Если в примере (1) обстоятельство времени является частью образа сравнения (*tac bî der naht* «день в ночи»), то в (3) темпоральное существительное фактически не служит ни предметом, ни образом сравнения. Таковым является местоимение *er* «он», заменяющее существительные *wâpenroc* «сюрко» и *fiwer* «огонь» соответственно. *Bî der naht*, следовательно, выступает здесь в качестве обстоятельства времени в составе сравнения.

Таким образом, в темпоральных существительных со значением естественных временных отрезков представлен мощный, не стёртый образ — особенно это касается сравнений по признаку «света/сияния», который, по словам Ж. Ле Гоффа, в средние века ощущался «очень глубоко» [5, с. 168]. При этом сами рассматриваемые существительные в подавляющем большинстве случаев используются в сравнениях не в собственно темпоральном значении, а актуализируют другие семы, в основном, «наличие/отсутствие света».

Тот факт, что сравнения, содержащие темпоральные существительные, практически отсутствуют в «Песни о нибелунгах», заслуживает более пристального рассмотрения и должен стать предметом дальнейших исследований.

Примечание

* Число в скобках после двоеточия обозначает количество примеров в соответствующем тексте.

Источники и принятые сокращения

- N — Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / neuhochdeutsch von Danielle Buschinger und Wolfgang Spiewok. Wodan. Vol. 8. Université de Picardie, 1991. 538 S.
- P — *Wolfram von Eschenbach*. Parzival / Nach der Ausgabe Karl Lachmanns revid. und komment. v. E. Nellmann; übertr. von D. Kühn. 2 Bde. Frankfurt/M.: Deutscher Klassiker-Verlag, 1994. 1832 S.
- BMZ — *Müller, W.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch / Mit Benutzung des Nachlasses von G. F. Benecke; ausgearb. v. W. Müller. Ab Bd. 2: ausgearb. v. W. Müller und F. Zarncke. Stuttgart, 1990. 4 Bde. // Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/BMZ> (дата обращения: 22.12.2015).

Литература

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
2. Боура, С. М. Героическая поэзия / пер. с англ. и вступ. статья Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
4. Гринцер, П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. 419 с.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1992. 374 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 621 с.
7. Невелева, С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: эпитет и сравнение. М.: Наука, 1979. 136 с.
8. Норманская, Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 326 с.
9. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья: пер. с фр. СПб.: Alexandria, 2012. 446 с.
10. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л.: Учпедгиз, 1959. 536 с.
11. Burger, H. Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1972. 330 S.
12. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 250 S.
13. Földes, Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur // Phraseologie: ein in-

ternationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovolskij u.a. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 424–435.

14. *Friedrich J.* Historische Phraseologie des Deutschen // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovolskij u.a. Vol. 2. S. 1092–1106.

15. *Friedrich, J.* Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350. Tübingen: Max Niemeyer, 2006. 490 S.

16. *Jones, W.* German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B. V., 2013. 663 p.

17. *Tyler, E. M.* Old English Poetics: The Aesthetics of the Familiar in Anglo-Saxon England. York: York Medieval Press, 2006. 194 p.

18. *Watkins, C.* How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics. New York/Oxford: Oxford University Press, 1995. 613 p.

References

1. Bakhilina, N. B. *Istoriia tsvetooboznachenii v russkom iazyke [History of the Colour Terms in Russian]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p. (In Russian)

2. Bowra, C. M. *Geroicheskaia poeziia [Heroic Poetry]*. Transl. from engl. i vstup. statia N. P. Grintser, I. B. Iershova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 808 p. (In Russian)

3. Veselovskii A. N. *Istoričeskaia poetika [Historic Poetics]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 404 p. (In Russian)

4. Grintzer, P. A. *Drevneindiiskii epos. Genezis i tipologija [Ancient Indian Epic. Genesis and Typology]*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 419 p. (In Russian)

5. Le Goff, J. *Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]*. Transl. from fr. Moscow, Progress, Progress-akademiia Publ., 1992. 374 p. (In Russian)

6. Losev, A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Ranniaia klassika [History of Ancient Aesthetics. Early Classic]*. Moscow, AST Publ., 2000. 621 p. (In Russian)

7. Neveleva, S. L. *Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa: epitet i sravnenie [Poetic Issues of the Ancient Indian Epic: Epithet and Simile]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 136 p. (In Russian)

8. Normanskaia, Iu. V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznachenii v drevnikh indoevropeskikh iazykakh [Genesis and Development of the Colour Term Systems in Ancient Indo-European Languages]*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2005. 326 p. (In Russian)

9. Pastoureau, M. *Une histoire symbolique du moyen âge occidental [A Symbolic History of the Middle Ages in the West]*. Transl. from fr. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2012. 446 p. (In Russian)

10. Tomaševskij, B. V. *Stilistika i stikhoslozhenie: Kurs leksii* [*Stilistic and versification*]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1959. 536 p. (In Russian)
11. Burger, H. *Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1972. 330 p.
12. Fleischer, W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1982. 250 p.
13. Földes, Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovol'skij u.a. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2007, pp. 424–435.
14. Friedrich, J. Historische Phraseologie des Deutschen. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovol'skij u.a., vol. 2, pp. 1092–1106.
15. Friedrich, J. *Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350*. Tübingen, Max Niemeyer, 2006. 490 p.
16. Jones, W. *German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins B. V., 2013. 663 p.
17. Tyler, E. M. *Old English Poetics: The Aesthetics of the Familiar in Anglo-Saxon England*. York, York Medieval Press, 2006. 194 p.
18. Watkins, C. *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995. 613 p.

Тихонова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ»
Адрес: Российская Федерация, 194021, Санкт-Петербург, ул. проф. Попова, 5

Elena S. Tikhonova

Doctor of Philological Science (PhD), Associate Professor at the Department of Foreign
languages, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
Address: 5, Prof. Popova st., St. Petersburg, 194021, Russian Federation

E-mail: e_tikhonova@yahoo.de